

В. М. Кириллин

РУССКАЯ ОБРАЗОВАННОСТЬ В X–XVII в.

§ I. Состояние образования на Руси в «дошкольный» период (XI–XVI в.)

История русской образованности имеет свои корни в глубокой древности. По здравой логике, ее начало явилось следствием, во-первых, возникновения русской государственности и, во-вторых, распространения на Руси христианства, ибо сама форма государственного обустройства жизни людей, в отличие от предшествующей общинно-родовой, предопределяла более тесные и интенсивные международные контакты в политическом, экономическом, культурном аспектах, а христианизация вместе с усвоением основ веры предполагала, как минимум, поверхностное приобщение к христианской книжной традиции. И то и другое невозможно было без усвоения грамотности — разумеется, очень ограниченной частью общества — хотя бы на уровне чтения, письма и счета¹.

Какой бы гипотезы или теории относительно происхождения русского государства² ни держаться, очевидно, что основы такового довольно отчетливо определились ко второй половине IX в., когда на Руси из ряда древних городов выделились, по крайней мере, два государствообразующих центра — Новгород и Киев. Во всяком случае, так позволяют думать сохранившиеся летописные свидетельства (предания о Кие с братьями, об Аскольде и Дире, о Рюрик³). К тому же времени — 60-м годам — относятся известия о крещении по инициативе Константинопольского патриарха Фотия каких-то руссов⁴ (впрочем, в науке до сих пор не нашли общепринятого решения вопросы этнического содержания

¹ В настоящем обзоре намеренно оставлены без внимания различные факты (в виде памятников пиктографического, рунического, протоглаголического или протокириллического письма), которые свидетельствуют, по мнению ряда ученых, о существовании до-христианской славянской (и в частности русской) грамотности. Во-первых, факты эти крайне ограничены по числу; во-вторых, они допускают множество нередко отрицающих друг друга толкований; в-третьих, даже если обнаруживаемая ими грамотность была действительно характерна для языческой культуры именно славян, нет все же никаких оснований предметно — без натяжек и фантазий — говорить о связи таковой с последующим культурным развитием славянского мира в ходе формирования государств и распространения христианства. Все-таки история славянской и собственно русской образованности — это часть именно христианской культуры.

² Мавродин В. В. Происхождение русского народа. Л., 1978; Пьянков А. П. Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси. Минск, 1980; Фроянов И. Я. Киевская Русь: очерки социально-политической истории. Л., 1980; Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII в. М., 1982; Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985; Рыбаков Б. А. Мир истории: начальные века русской истории. М., 1987; Оршич В. П. Древняя Русь: образование Киевского государства и введение христианства. Минск, 1988; Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998.

³ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Изд. 2-е. Л., 1926. Стб. 20–22.

⁴ Святитель Фотий, патриарх Константинопольский. Окружное послание к Восточным Архиерейским Престолам, а именно — к Александрийскому и прочая... // Альфа и Омега. М., 1999. № 3 (21). С. 85–102 (перевод П. Кузнецова).

данного термина⁵ и точной датировки данного события⁶). С этими, может быть, неоднозначными фактами замечательно согласуется вполне бесспорный факт создания в 863 г. славянской азбуки и последовавшей затем славянизации святыми братьями Кириллом и Мефодием и их учениками христианского богослужения и книжности в соседних с Русью славянских государствах — Великой Моравии, Паннонии и Болгарском царстве⁷.

Так что о большой вероятности появления на Руси в указанное раннее время ростков христианства в процессе формирования государственных форм общественного бытия можно говорить положительно. Очевидно, однако, что христианами при подавляющем автохтонном язычестве были тогда, прежде всего, люди пришлые — греки, загадочные варяги, «немцы» (как прозывали тогда европейцев-неславян), в какой-то мере и уже просвещенные славяне. Все они, конечно же, оседали в городах и занимались торговлей, ремеслами, дипломатией, воинским делом, так или иначе, естественно, влияя на коренное население страны, но не оставив при этом глубокого следа. Кроме того, и собственно русичи, восточные славяне, по разным причинам, побывав в христианских странах, в некотором числе могли приобщиться там к «новой» вере. К сожалению, тема эта, в силу отсутствия надежных сведений, не поддается детальной конкретизации. Одно лишь несомненно — что означенная стадия существования на Руси христианства отличалась случайно-лоскутным, мерцающим характером.

Фактологически более внятная информация относится к следующему периоду русской истории — к эпохе киевского князя Игоря (умер в 945 г.) и затем его вдовы благоверной княгини Ольги († 969 г., память 11 июля). Например, по «Повести временных лет» известен, наряду с другими, мирный договор Игоря 944 г. с византийским императором Романом I Лакапеном о военно-торгово-правовых взаимоотношениях русских и греков, который с русской стороны был заверен как язычниками, так и христианами, причем последние (в тексте договора, правда, уточняется: «варязи») приведены были к «роте», т. е. к некоему сакральному акту обещания, в Киевской «соборной» церкви пророка Илии⁸. Весьма подробно ПВЛ рассказывает и о воцерковлении в Константинополе княгини Ольги в 955 г.⁹, хотя собственно дата этого события, подтверждаемого другими древними источниками, представляет собой серьезнейшую историческую проблему¹⁰.

Таким образом, в Древней Руси еще до официального крещения имелись очаги христианской культуры. При этом естественно полагать, что само наличие христиан сопряжено было с наличием духовенства, по необходимости грамотного и обладающего некоей суммой знаний, а значит, и с наличием книг и какого-то процесса обучения. Впрочем, об интенсивности и формах тогдашнего приобщения коренного населения Руси к христианскому образу жизни и, соответственно, к образованию приходится говорить только предположительно. Понятно лишь, что миссионерство могло осуществляться здесь и через посредство греков, и через посредство латинян, и через посредство славянских наследников кирилло-мефодиевского начинания.

Вполне определенное направление это дело получило лишь благодаря великому киевскому князю Владимиру Святославичу († 1015 г., память 15 июля) после того, как он утвердил на

⁵ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII в. М., 2001. С. 11–14.

⁶ Цукерман К. «Два этапа формирования древнерусского государства» / Славяноведение. 2001. № 4. С. 62–63; Бибииков М. В. Когда была крещена Русь // Ученые записки. Российский православный университет ап. Иоанна Богослова. Вып. 5. М., 2000. С. 24–29; Назаренко А. В. Русская Церковь в X — 1-й трети XV в. // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь / Под общей ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2000. С. 38.

⁷ Тахиаос А.-Э. Н. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян / Пер. с новогреч. иером. Дионисия (Шленова), иером. Леонтия (Козлова), игум. Тихона (Зайцева), С. Кима. Сергиев Посад, 2005; Верецагин Е. М. [Рец. на кн.:] Тахиаос А.-Э. Н. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян // Богословский вестник. Сергиев Посад, 2006. № 5–6. С. 650–669.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 46–54.

⁹ Там же. Стб. 60–62.

¹⁰ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII в. С. 220–310.

Руси христианство в качестве государственного вероисповедания (988 г.), начав тем самым христианизацию восточных славян. Рождение в ходе данного процесса Русской Церкви как новой митрополии Константинопольского Патриархата¹¹ не только повлекло за собой постепенное и неуклонное умножение духовных лиц и мест для славословия Божия, но потребовало и просвещения народа. Последняя задача значительно облегчалась благодаря более чем 100-летнему существованию славянской письменности и книжности, кроме того, давним контактам Руси со славянским миром, особенно с балканскими славянами, и, наконец, сложившимся к тому времени славянским образовательным традициям.

ПВЛ в статье за 988 г., посвященной истории личного крещения Владимира Святославича в Корсуни и общего крещения подвластного ему народа в Киеве, сообщает о последовавшем затем княжеском распоряжении повсеместно «поймати оу нарочитое чади дѣти» ради «учения книжного»¹². Это летописное свидетельство породило разные ученые мнения.

Прежде всего, очевидно, что оно могло подразумевать лишь наиболее крупные русские городские поселения, где действительно в эпоху Владимира уже имелись христианские храмы и, соответственно, были люди, способные учить «книгам». Летописные указания и археологические материалы применительно к концу X — первой трети XI в. позволяют говорить в данном отношении лишь о четырех городах: Киеве (три церкви), Новгороде (две), Чернигове и Тмутаракани (по одной)¹³. Однако надо все же понимать, что реально процесс храмоздательства (каменного и деревянного) и вместе с тем увеличения числа духовенства шел на Руси в указанное время совсем не так, как можно его представлять по весьма ограниченному кругу источников. Например, в созданном в XI столетии панегирике Владимиру Святославичу утверждается, будто этот новый Константин «всю землю Русскую¹⁴ и грады вся украси святыми церквами»¹⁵, а согласно еще более раннему свидетельству немецкого хрониста Титмара, епископа Мерзебургского, в 1018 г., во время правления Святополка Ярополчича (Окаянного), в одном только Киеве было 400 церквей¹⁶. Статистические же подсчеты, основанные на разных фактах, относящихся ко времени до 1240 г., позволяют полагать, что в домонгольской Руси было до 10000 городских и сельских, монастырских и домовых храмов¹⁷ (разумеется, гипотетичность данного допущения совершенно открыта для коррекции, но весьма значительное число храмов несомненно¹⁸).

Приведенное выше свидетельство ПВЛ не позволяет также точно судить о деловых целях обучения изъятой из родных пенатов молодежи. Не ясно, кого киевский князь чаял в результате получить — служителей Церкви или же помощников себе по управлению государством. Неочевидными также представляются порядок и характер обучения: кто учил, в какой форме, по каким методикам и чему именно, в рамках общественной школы или же частно.

В самом деле, митрополит Макарий (Булгаков), например, разделяя мнение ревностных защитников именно школьной основы русской христианской культуры¹⁹, допускал, что «училищ книжных» уже при Владимире было открыто «множество», но все они являлись «приходскими»

¹¹ Уместно здесь отметить и гипотезу — правда, не прижившуюся в отечественной историографии — о первоначальном статусе Русской Церкви как одной из епархий Болгарского патриархата или Охридской архиепископии (Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII в. СПб., 1913. С. XIII).

¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 118—119 (здесь и далее древнерусский текст воспроизводится в упрощенной орфографии).

¹³ Седов В. В. Распространение христианства в Древней Руси (по археологическим материалам) // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси. (Сб. тезисов). М., 1987. С. 42.

¹⁴ При этом, однако, не ясен подразумеваемый здесь пространственный смысл понятия «земля Русская».

¹⁵ «Память и похвала князю русскому Владимиру» // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. С. 318, 320.

¹⁶ Титмар Мерзебургский. Хроника. В 8 кн. / Пер. с лат. И. В. Дьяконова. М., 2005. Кн. 8. Фрагмент 32 (электр. версия — <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Thietmar/frameset8.htm>).

¹⁷ Сапунов Б. В. Книга в России в XI—XIII в. / Под ред. С. П. Луппова. Л., 1978. С. 64.

¹⁸ См., например: Стефанович П. С. Некняжеское церковное строительство в домонгольской Руси: Юг и Север // Вестник церковной истории. 2007. № 1 (5). С. 117—133.

¹⁹ Лавровский Н. А. О древне-русских училищах. Харьков, 1854.

и «первоначальными», т. е. предназначены были обучать будущих священно- и церковнослужителей «славянской грамоте» и «церковному пению», а иногда даже и «языку греческому», при этом в первую очередь образование получали княжеские дети²⁰. Напротив, Е. Е. Голубинский сомневался и в масштабности этого процесса, и в том, что набранных, согласно воле князя, отпрысков восточнославянских аристократических семей учили именно для практических нужд Русской Церкви. С его точки зрения, «казенные училища» тогда все же не появились. Учили в индивидуальном порядке отдельные просвещенные греки всему тому, «что было в Греции», стремясь дать обучаемым настоящее «научное образование» именно для государственной пользы. Но так продолжалось очень недолго — прежде всего, из-за преимущественного отсутствия в высших слоях русского общества заинтересованного отклика на княжескую инициативу. Кроме того, наряду с учеными мужами, делом образования русичей и с более широким социальным охватом занимались еще — опять-таки приватно — простые «учители грамотности» (по поздним источникам, «мастера»), собственно славянского происхождения или же обрусевшие греки, духовного звания или же миряне, которые при этом ограничивались задачей научить лишь чтению и письму²¹.

В возникшем таким образом споре²², судя по историко-педагогической научной и публицистической литературе, сформировались разнополярные мнения. Большинство составляют защитники существования в Киевской Руси организованной системы школьного образования²³, вплоть даже до высшего, классического²⁴, ориентированного на последовательное освоение грамматики, риторики, диалектики, арифметики, геометрии, музыки, астрономии²⁵. Меньшинство — сторонники более осторожного и сдержанного мнения о ходе просветительной работы и характере ее образовательной составляющей в древнерусском обществе; согласно этому мнению, основу всего обучения, независимо от его конкретных целей, составляли церковно-богослужебные знания, в редких случаях дополняемые знакомством с иностранными языками²⁶. Имеется и примирительная точка зрения. Замысел Владимира Святославича дать аристократической молодежи «полный цикл наук» не удался. Причин тому несколько: Византия не могла явить России пример настоящей систематически организованной государственной школы²⁷, греки-наставники имели опыт лишь приватного и свободного учительства, к тому же не обрели в России достаточное материальное и нравственное «поощрение», столкнувшись с известным сопротивлением со стороны народа, поэтому смогли дать «надлежащее образование лишь немногим единичным талантливым лицам» и в дальнейшем «низошли в своей деятельности до обучения простой грамотности»²⁸.

Как бы то ни было, но начатый Владимиром Святославичем процесс имел свои плоды. Доказательства тому — ряд косвенных и прямых данных. Например, летописи свидетельствуют

²⁰ Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга вторая: История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриарха (988–1240). М., 1995. С. 62–63.

²¹ Голубинский Е. История Русской Церкви. Т. I. Первая половина тома. М., 1901. С. 703–705, 711, 719–722, 724–726.

²² Его краткий, но хорошо библиографически оснащенный обзор: Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 г.): Изд. втор., исправл. и дополн. для рус. перев. / Перев. А. В. Назаренко, под ред. К. К. Акентьева. СПб., 1996. С. 128–132.

²³ Хмыров М. Д. Училища и образованность в допетровской Руси // Народная Школа. 1869. № 4–10; Лебедев Н. А. Исторический взгляд на учреждение училищ, школ, учебных заведений и ученых обществ, послуживших к образованию русского народа с 1025 по 1855 год. СПб., 1874; Миропольский С. И. Очерк истории церковноприходской школы на Руси. Три выпуска. СПб., 1894–1895; Рязановский В. А. Обзор русской культуры: В 2 томах. Нью-Йорк, 1947–1948.

²⁴ Золин П. М. Истоки высшей школы в России // Международный научный педагогический интернет-журнал. 2003. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?whichpage=1&mytip=1&word=&pagesize=15&Nomer=345>.

²⁵ Леонтьев А. А. История образования в России от древней Руси до конца XX века // Русский язык. 2001. № 33. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200103304>.

²⁶ Кантлер П. Ф. История русской педагогики. СПб., 2004. С. 43–45 (1-е изд. 1915).

²⁷ На самом деле, в Византии X–XI в. имелась весьма развитая образовательная система — в формах частных начальных и средних школ и венчающего их государственного университета (Самодурова З. Г. Школы и образование // Культура Византии: вторая половина VII–XII вв. М., 1989. С. 366–400).

²⁸ Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1991. Т. 1. С. 255–256.

об усилиях Ярослава Мудрого распространить просвещение: в 1030 г. он собрал в Новгороде «детей 300 учить книгам»²⁹, а затем уже в Киеве при Софийском соборе организовал дружину грамотников и знатоков греческого языка, которые перевели и скопировали «книгы многы... имиже поучающиеся вѣрнии людѣ наслаждаются оученья бжштвенаго»³⁰. Надписи на разных обиходных предметах (посуда, нательные кресты-энколпионы, придорожные кресты, пряслицы)³¹, записи, нацарапанные на стенах храмов (граффити)³², и особенно берестяные грамоты, найденные в Новгороде, Смоленске, Пскове, Витебске, Твери, Москве и других городах³³, недавно обнаруженная в новгородской земле цера начала XI в.³⁴ — все эти источники указывают не только на географическую, но и на социальную, гендерную³⁵, возрастную широту распространения, по крайней мере, тривиальной грамотности в древнерусском обществе конца X — XIII в., разумеется, прежде всего городском (которое, по гипотетическим подсчетам, к началу XIII столетия составляло порядка 400000 человек при общем примерном населении Киевской Руси в 7 миллионов³⁶). Однако некоторые желающие, несомненно, имели возможность получить и более глубокое образование³⁷. «Послание» митрополита Киевского Климента Смолятича (1147—1155 г.) Фома «прозвитуру Смоленскому» позволяет предполагать, что на Руси в XII в. применялись византийские школьные методы углубленного изучения конкретно греческой грамматики: «Григорей знал алфу, яко же и ты (Фома. — В. К.), и виту подобно, и всю 20 и 4 словес грамоту. А слышишь ты, ю (есть. — В. К.) у мене (Климента. — В. К.) мужи, имже есмь самовидец, иже может един реци алфу, не реку на сто или двесте, или триста, или 4-ста, а виту — тако же»³⁸. Здесь, вероятно, речь идет о так называемой схедографии (от *греч.* *σχιζω* — разделяю), т. е. об обучении посредством заучивания выписанных в алфавитном порядке отдельных слов (до четырехсот и, может быть, более на каждую букву) с парадигмами склонения и спряжения и с лексикологическими, орфоэпическими и орфографическими пояснениями³⁹. Тратат Кирика Новгородца «Учение, имже ведати человеку числа всех лет» (1136 г.)⁴⁰ указывает на глубокую осведомленность автора относительно сложных, основанных на математических знаниях, хронологических и пасхальных расчетов⁴¹. Корпус известной в Киевской Руси переводной книжности

²⁹ ПСРЛ. Т. 5: Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851. Стб. 136.

³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 152.

³¹ Рожественская Т. В. Древнерусские надписи на стенах храмов: Новые источники XI—XV веков. СПб., 1992; Медынцева А. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века. М., 2000; Гнутова С. В. От редактора [Предисловие к первой книге «Ставрографического сборника»] // Ставрографический сборник. Книга I / Сб. статей. М., 2001. С. 3—14.

³² Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV в. М., 1964; Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской IX—XIV в. Вып. 1. Киев, 1966; Медынцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. М., 1978.

³³ Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; Авдусин Д. А. Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1966 и 1967 г. // Советская археология. 1969. № 3. С. 186—193; Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1975; Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. М., 1986; Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997—2000 г.). М., 2004.

³⁴ Зализняк А. А., Янин В. Л. Новгородская псалтырь начала XI века — древнейшая книга Руси // Вестник Российской Академии наук. 2001. Т. 71. № 3. С. 202—209; Зализняк А. А., Янин В. Л. Новгородский кодекс первой четверти XI в. — древнейшая книга Руси // Вопросы языкознания. 2001. № 5. С. 3—25; Зализняк А. А. Тетралогия «От язычества к Христу» из Новгородского кодекса XI века // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 35—56.

³⁵ См. об этом: Сатклиф Б. Женская грамотность в Древней Руси: гипотезы и факты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2006. № 4 (26). С. 42—49.

³⁶ Сапунов Б. В. Книга в России в XI—XIII в. С. 60.

³⁷ Кусков В. В. Формирование системы образования на Руси (X — первая половина XIII в.) // Кусков В. В. Эстетика идеальной жизни. Избранные труды. М., 2000. С. 130—132.

³⁸ Послание Климента Смолятича // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 134.

³⁹ Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. С. 260; Koukoulès Ph. Vie et civilisation Byzantines. Athènes, 1948. Vol. I. P. 108 sq.; Кусков В. В. Формирование системы образования на Руси (X — первая половина XIII в.). С. 133—134.

⁴⁰ Зубов В. П. Примечание к «Наставлению, как человеку познать счисление лет» Кирика Новгородца // Историко-математические исследования. Вып. 4. М., 1953. С. 173—212 (Фотографическое воспроизведение текста «Учение о числах»).

⁴¹ Симонов Р. А. О композиционной структуре «Учения» (1136 г.) // Историко-математические исследования. Вып. XVIII. М., 1973. С. 264—277.

являет удивительное многообразие русских читательских интересов⁴². Здесь достаточно упомянуть знаменитый «Изборник», переписанный с болгарского оригинала в 1073 г. по заказу великого Киевского князя Святослава Ярославича⁴³, — несомненно, красноречивейшее отражение этого многообразия. Более 380 статей книги были созданы 25 христианскими писателями II–IX в. (свв. Дионисием Ареопажитом, Василием Великим, Августинем Блаженным, Иоанном Дамаскиным и др.) и касались самых разных областей знания: библейской экзегетики, богословия, философии, истории, зоологии и ботаники, медицины и антропологии, астрономии и астрологии, календаря, литературных приемов художественной выразительности, грамматики. Но особенно показательно то, что означенный энциклопедический сборник был весьма популярен в мире *Slavia Orthodoxa*: его переписывали вплоть до XVIII в. В частности, в России копии сборника имелись, например, в библиотеках Новгородского Софийского собора, Кирилло-Белозерского и Волоколамского монастырей⁴⁴. Иными словами, среди русских читателей были ценители, образованность которых позволяла им понимать весьма сложное содержание книги. К числу подобных ученых мужей, несомненно, принадлежали уже первые собственно русские писатели: митрополит Иларион («Слово о Законе и Благодати»), насельник Киево-Печерского монастыря Иаков («Память и похвала русскому князю Владимиру»), преподобный Нестор Летописец (ПВЛ, жизнеописания благоверных князей Бориса и Глеба и преподобного Феодосия Печерского), великий Киевский князь Владимир Мономах («Поучение к детям»), святитель Кирилл Туровский (гимнографические, экзегетические и гомилетические сочинения), упомянутый уже Климент Смолятич («Послание к Фоме Смоленскому»), игумен Выдубицкого Михайловского монастыря Моисей («Киевская летопись»), неизвестный составитель Галицко-Волынской летописи. Их литературная работа есть, бесспорно, результат по-настоящему просвещенного интеллекта и отточенного образованием мастерства. Надо полагать, среди русичей находились и светски образованные люди. Это, во всяком случае, подтверждается блистательными литературными памятниками: «Словом о полку Игореве» и «Молением Даниила Заточника», а также несколькими древнейшими законодательными актами — «Русской правдой», княжескими Уставами и Уставными грамотами, новгородской и псковской Судными грамотами⁴⁵. Да и по здравому смыслу понятно, что успешное развитие какого бы то ни было государства (а Киевская Русь среди современных ей европейских государств была далеко не последней) вряд ли возможно без разного рода мужей совета и дела, «ведцев».

Таким образом, что бы ни думать о деталях, бесспорным оказывается сам вывод, что важнейшим следствием христианизации восточного славянства стала возможность *учиться*, открывшаяся для желающих. При этом люди либо удовлетворяли свою потребность малым, либо — в исключительных случаях — стремились умножить свои знания, стать «преизлиха насытившимися сладости книжныя» (именно к таковым во второй четверти XI в. обращал свою блистательную речь знаменитый Иларион). Об очевидной успешности этого процесса самообразования можно положительно судить по многочисленным сохранившимся рефлексам, причем являемым не только литературой, но и другими сферами древнерусской культурной деятельности (градостроительной, храмоздательской, иконописной)⁴⁶. Весьма красноречив также факт наличия древнерусских книголюбов (новгородский посадник Остромир⁴⁷, ростовский князь

⁴² О характеристике древнерусской переводной литературы Киевского периода см., например, в кн.: Сперанский М. Н. История древней русской литературы. 4-е изд. СПб., 2002. С. 163–233.

⁴³ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII в. М., 1984. С. 36–40.

⁴⁴ Творогов О. В. Изборник 1073 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 194–196.

⁴⁵ Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 1. М., 1984.

⁴⁶ См., например: Громов М. Н., Ужанков А. Н. Культура Древней Руси // История культур славянских народов. В 3-х т. М., 2003. Т. 1 / Отв. ред. Г. П. Мельников. С. 211–229.

⁴⁷ Прозоровский Д. И. Новые разыскания о новгородских посадниках (отт. из «Вестника Археологического института», 1892). СПб., 1892. С. 3; Остромир // Половцов А. А. Русский биографический словарь. В 25 т. М., 1896–1918. Т. Обезьянинов — Очкин. С. 468–469.

Константин Всеволодович⁴⁸) и, соответственно, библиотек (монастырских, приходских, владычных, княжеских, боярских, купеческих)⁴⁹. Между прочим, предпринятые подсчеты относительно вероятного общего числа книг, имевшихся в домонгольской Руси, — как церковного обихода (богослужебных и четых), так и внелитургической предназначенности (религиозных и светских) — привели к примерному итогу в 140000 томов⁵⁰. Правда, в данном случае учитывались только церковнославянские тексты и совсем без внимания остались, несомненно, востребованные какой-то частью древнерусского общества произведения на греческом и даже латинском языках. Да и вообще означенная цифра весьма условна. Ибо — при лучшей сохранности собственно церковной литературы и при понятной логике вывода ее возможного объема (по предполагаемому числу храмов) — книг, появление и распространение которых не было предопределено Уставом Церкви, осталось (особенно от киевского периода древнерусской письменности) ничтожно мало⁵¹, и их бывшее количество даже гипотетически нельзя представить.

Зато, к счастью, имеются данные (хоть и поздние) о ходе самообразования. В частности, согласно свидетельству Епифания Премудрого (конец XIV в.), святитель Стефан, епископ Пермский, еще будучи простым иноком Ростовского Григорьевско-Богословского монастыря⁵², «прилежно же имяше обычай почитати почитание книжное и не бедно учения ради *умедливая* во учении, но дондеже до конца *поистине уразумеет* о коемждо стисе словеса: о чем глаголет, ти тако протолковаше... И аще видяше мужа мудра и книжна и старца разумична и духовна, то ему *совопросник и сбеседник* беаше. И с ним *соводворяшеся* и *обнощеваше*, и *утреневаше*, *распытая* ищемых скоропытне... Желая же большего разума, яко образом любомудрия *изучеся* и *греческой грамоте*, и книги греческия извыче, и добре почиташе я, и присно имееше я у себе...»⁵³. Этот рассказ побуждает, по крайней мере, к двум выводам: лучшим местом на Руси для обретения книжной мудрости был, несомненно, монастырь, и в подобных *университетах*, таким именно способом — через чтение и собеседничество — свое *высшее образование* получали преимущественно все те, кто склонен был к умственному труду.

Что же касается начального уровня грамотности, то на эту тему вполне можно говорить более основательно. Как уже отмечалось, учили и учились на Руси частным образом. Государственных школ не было. Были наставники из духовных (священнослужители, дьячки, монахи) и из мирян (вольные мастера или служилые — княжеские, владычные — люди), бравшиеся учить по договору за определенное вознаграждение. Обучение — групповое или индивидуальное — осуществлялось либо при дворе князя, архиерея, боярина, купца, либо непосредственно в доме учителя, но преобладающую образовательную роль играли, бесспорно, монастыри и приходские церкви. И в любом случае характер обучения был церковно-религиозным, направленным на укрепление христианской веры и воспитание нравственности⁵⁴. Об этом красноречиво свидетельствует созданная еще в кирилло-мефодиевскую эпоху толковая азбука, или «Азбучная молитва» (**А**з словом сим молю ся Богу. / **Б**оже всеа твари и зиждителя / **в**идимым и невидимым! / **Г**оспода

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. 2-е изд. Л., 1927. Стб. 443.

⁴⁹ Бокачев Н. Описи русских библиотек и библиографические издания. СПб., 1890; Зарубин Н. Н. Очерки по истории библиотечного дела в Древней Руси. I. Применение форматного принципа к расстановке книг в древнерусских библиотеках и его возникновение // Сб. Российской публичной библиотеки. Т. 2. Материалы и исследования. Вып. I. XV—XVII в. Пг., 1924. С. 190—229; Сапунов Б. В. Книга в России в XI—XIII в. С. 110—162.

⁵⁰ Сапунов Б. В. Книга в России в XI—XIII в. С. 82.

⁵¹ Указатель названий рукописей, произведений и авторов // Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII в. С. 377—383.

⁵² Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем. Вып. III: Монастыри, закрытые до царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1897. С. 58 (№ 1568).

⁵³ Святитель Стефан Пермский. Серия «Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях». СПб., 1995. С. 60, 62, 64.

⁵⁴ Громов М. Н. Памятники древнерусской литературы как источник изучения раннего этапа отечественной педагогики // Просвещение и педагогическая мысль древней Руси (Малоисследованные проблемы и источники): Сб. научных трудов. М., 1983. С. 35—45.

Духа послѣ живущаго, / да вдѣхнѣт в срдѣце ми слово, / еже будет на успех всем, / живущим в заповѣдхъ ти...⁵⁵). Учиться начинали с детства, по достижении «возраста смысла», согласно, например, Житиям преподобных Феодосия Печерского и Авраамия Смоленского⁵⁶, и учеба, в зависимости от конкретных задач, складывалась поэтапно. На порядок освоения букв, чтения, письма и счета указывают, в частности, берестяные грамоты второй четверти XIII и XIV в. (№ 46, 199–208, 287, 342) и цѣра XIV в.⁵⁷ А вот тайну того, чем овладевали дальше, раскрывают только поздние известия. В самом концѣ XV столѣтія, например, святитель Геннадій, архиепископ Новгородскій, в «Послании» к митрополиту Московскому и всея Руси Симону, ходатайствуя об учрежденіи школ для духовенства, так отзывался об известном ему обычае. Многих претендентов, приходивших к нему рукополагаться в священники или дяконы, оказывается, учили «мужики невежи» — сначала «вечерне», затем «завтрѣне» и отдельно «часам», но при этом лишь портили «робят», ибо ученик «от мастера отыдет» и «толко-то бредет по книгѣ, а церковного постатія ничего не знает». По убежденію заботящегося о распространении настоящей грамотности владыки, этот порядок должен быть изменен: «А мой совет о том, что учить во училище первое азбука граница, истолкована совсем⁵⁸, да и подтительные слова⁵⁹, да псалтыря с следованіем накрепко. И коли то изучат, может после этого проучивая и конархати и чести всякыя книги». Вместе с тем архиепископ Геннадій признает, что среди ставленников попадались ему и достаточно образованные («грамоте горазды»), которых перед рукоположеніем оставалось только научить ектеньям и уставу богослуженія⁶⁰. Но, как верно замечено, таковыя среди желающих священнодействовать встречались крайне редко⁶¹, т. е. в большинствѣ претенденты были все-таки чрезвычайно малограмотны. Главное, однако, в данном свидетельствѣ, что оно ясно раскрывает основу, характер, цели и уровень практиковавшегося на Руси обученія: вслѣд за азбукой усваивали богослужебные тексты, последованія и правила, причем, видимо, вовсе не обязательно вместе с навыками письма. И, несомненно, такое направленіе, будучи установлено при самом началѣ русской образованности, сохранялось веками. В широкой народной средѣ даже в Новое время так — по Букварю, Часослову и Псалтири — учили и учились вплоть до XIX столѣтія, а в древности, еще в XVII в., этот курс (разве что с разным тѣданием и полнотой) проходили и крестьянскіе, и купеческіе, и поповскіе, и боярскіе, и княжескіе, и царскіе дети⁶². Важно также отметить, что святитель Геннадій, явно неудовлетворенный плачевным состояніем школьнаго дела в его время, ратует за созданіе и более организованной и более эффективной школы, рассчитывая при этом не на частную инициативу, а на волю и попеченіе со стороны либо государственной, либо церковной власти и заботясь все-таки не вообще о школе, а конкретно о школе на потребу Церкви.

Размышляя о состояніи русской образованности и школьнаго дела в Средніе века, многие исследователи отмечают их сравнительно высокій уровень в эпоху Киевской Руси и последующую постепенную деградацию. Однако такой вывод явным образом противоречит бесспорному факту поступательнаго развитія в теченіе XIV–XVI в. государственности (в частности, системы городов и структуры власти), Церкви (в частности, ее статуснаго положенія, епархіяльной и

⁵⁵ Каринскій Н. Хрестоматія по древнецерковнославянскому и русскому языкам. Часть первая. Древнейшіе памятники. СПб., 1904. С. 104.

⁵⁶ Житіе Феодосія Печерскаго // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. С. 356; Житіе Авраамія Смоленскаго // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 5. С. 32.

⁵⁷ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... 2-е изд. М., 1975. С. 45–57.

⁵⁸ Т. е. алфавит с иллюстрирующими примерами — причем на самые разные темы — для запоминанія, например: «А. Аз преже о Господѣ Бозѣ нача ти вещати. / Б. Бога Отца чту, но Бога Сына славлю, Бога Духа проповѣдаю. / В. Види(м) те лица разделяем(ы), но божеством не разделим(ы). / Г. Глаголати навѣкаю, мысли от срдца простирая...». См. тексты девяти подобных азбук: Кобяк Н. А. Азбуки толковыя в Сборникѣ XVII века собранія МГУ № 1356 // Из Фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московскаго университета. М., 1987. С. 142–156.

⁵⁹ Т. е. такія слова, которые традиціонно употреблялись под тѣлами.

⁶⁰ Акты историческіе. СПб., 1841. Т. 1. № 104. С. 146.

⁶¹ Каптерев П. Ф. История русской педагогикі. С. 50.

⁶² Там же. С. 55–59.

монастырской системы), всего общества (в частности, его социальной дифференциации, идейных устроений и культурных потребностей). Действительно, после монголо-татарской порухи образованность уже в пределах Северо-Восточной Руси, включая и Новгородские земли, становится достоинством и привилегией все более узкой части общества, даже в церковной среде; вместе с тем и процесс начального обучения неумолимо теряет свое качество и масштабность охвата. Но — странная вещь: при общем снижении образовательного уровня тем сильнее и ярче проявляли себя в области творческой и интеллектуальной отдельные русские люди (оставаясь, правда, в рамках христианского знания и православной мысли). Указанное время — это период напряженнейшей и плодотворнейшей работы зодчих, иконописцев, историографов, писателей. В частности, к нему, вопреки низкому общему состоянию русской образованности, относится целый ряд не привнесенных извне посредством заимствования и не связанных с деятельностью иммигрантов, а созданных самостоятельно своими — русскими — грамотниками книжно-литературных явлений по-настоящему концептуального свойства и сравнительно вершинного достоинства. Речь идет о фактах, очевидно мотивированных определенными идейными посылками и четко нацеленных на решение тех или иных больших задач филологического, богословского, историософского, политического, социологического свойства.

Так, в конце XIII или в XIV в. на Руси составляют «Толковую Палею» — энциклопедический сборник ветхозаветных и апокрифических сведений об устройстве и истории мира, снабженных полемико-богословскими размышлениями⁶³ (в наиболее целостном виде книга сохранена рукописью начала XV в.⁶⁴). Тогда же появляется новый — собственно древнерусский — перевод с греческого языка всего новозаветного текста Священного Писания, основанный на осознанном и четком представлении о лексической, грамматической, синтаксической, орфографической, графической норме⁶⁵ (этот перевод, в частности, представлен знаменитой рукописью «Чудовского Нового Завета» середины XIV в., возможно, принадлежавшей некогда святителю Алексию, митрополиту Московскому⁶⁶). На рубеже XIV—XV в. творит беспримерный доселе мастер слова Епифаний Премудрый, сумевший в блистательных жизнеописаниях святителя Стефана Пермского⁶⁷, преподобного Сергия Радонежского⁶⁸, благоверного московского князя Дмитрия Ивановича⁶⁹ явить себя не только искусным рассказчиком, стилистом, ритором, владеющим разными литературными формами и приемами, но и глубоким мыслителем, проницательнейшим знатоком христианского духовного опыта, христианского знания о Боге, человеке, истории⁷⁰. В XV столетии библиотеку русского чтения пополняет трактат «О небеси», уникальный по своей полноте памятник отечественного естествознания, свод космологических, астрономических и

⁶³ Творогов О. В. Палея Толковая // Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. 1. С. 285—288; Кожин В. Книга бытия небеси и земли // Палея Толковая. М., 2002. С. 5—7; Мильков В., Полянский С. Палея Толковая: Редакция, состав, религиозно-философское и энциклопедическое значение памятника // Палея Толковая. М., 2002. С. 604—631.

⁶⁴ Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н. С. Тихонравова. Вып. 1—2. М., 1892—1896.

⁶⁵ Поляков Ф. Б. Некоторые аспекты изучения Чудовского Нового Завета // Russian Linguistics. 1990. Vol. XIV. S. 269—280; Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 191—195; Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). 3-е изд., испр. и дополн. М., 2002. С. 281—283.

⁶⁶ Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия митрополита Московского и всея Руси (фототипическое издание Леонтия митрополита Московского). М., 1892.

⁶⁷ Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым / Изд. Археограф. ком. под ред. В. Г. Дружинина. СПб., 1897.

⁶⁸ Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия чудотворца и Похвальное ему слово, написанное учеником его Епифанием в XV в. / Сообщил архим. Леонид. Печатаются по Троицким спискам XVI в. с разночтениями из Синодального списка Макариевских Четий-Миней. СПб., 1885.

⁶⁹ Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского // ПЛДР: XIV — середина XV века. М., 1981. С. 208—229.

⁷⁰ Грихин В. А. Проблемы стиля древнерусской агиографии XIV—XV в. М., 1974; Кириллин В. М. Епифаний Премудрый: умозрение в числах о Сергии Радонежском // Кириллин В. М. Символика чисел в литературе древней Руси (XI—XVI века). СПб., 2000. С. 174—222.

метеорологических сведений, отражающий удивительные кругозор и культуру составителя⁷¹. Одновременно появляются руководства — «Письмовники», в которых был зафиксирован накопленный русской культурой литературно-повествовательный опыт взаимообщения, содержались в виде рекомендательных моделей образцы разных эпистолографических текстов и стилей⁷². О поразительной энциклопедической широте читательских интересов свидетельствуют книги, переписанные или заказанные во второй половине XV в. иеромонахом Кирилло-Белозерского монастыря Евфросином⁷³, сумевшим весьма последовательно реализовать свои библиофильские запросы по предметам богословия, церковного права, музыки, истории, беллетристики, зоологии, медицины. Созвучно деятельности этого грамотника в 1499 г. в Новгороде Великом посредством организованной собирательской, переводческой и редакторской работы был составлен первый во всем мире *Slavia Orthodoxa* исчерпывающий свод книг Священного Писания — «Геннадиевская Библия». Эта работа имела своей целью не только ревизию и восполнение всего известного на Руси предания Ветхого и Нового Заветов, но еще и решение поставленных жизнью богословских задач⁷⁴. В конце XV — начале XVI в. святитель Вассиан, архиепископ Ростовский, и затем старец псковского Елеазарова монастыря Филофей вырабатывают в своей публицистике⁷⁵ теоретические основы нового на Руси учения об особой — предопределенной Богом — исторической роли Московского государства и Русской Церкви во всем христианском мире. Это учение, отразившись в ряде литературных сочинений XVI в., но особенно в замечательных по замыслу и исполнению историографических компиляциях — «Русском хронографе» (1512 г.)⁷⁶, «Никоновской летописи» (20–50-е годы XVI в.)⁷⁷, «Степенной книге» (1563 г.)⁷⁸, «Лицевом летописном своде» (1568–1576 г.)⁷⁹ — будет вплоть до эпохи Петра Великого питать национальное самосознание русского общества и, соответственно, государственную и церковную политику и дипломатию. Согласно с наметившейся в русской книжности тенденцией к обобщению, в XVI в. осуществляется фундаментальнейшая коллективная работа по составлению Великих Миней Четий. Более 20 лет руководил ею как организатор архиепископ Новгородский, а затем Предстоятель Русской Церкви Макарий, создав три редакции этого 12-томного сборника и стремясь совокупить в нем исчерпывающий корпус текстов о христианской вере, благочестии, богумудрии, святости, подвижничестве, духовном опыте Церкви⁸⁰. Весьма любопытны также теоретические размышления о происхождении славянской письменности и о славянском языке, предпринятые в середине XVI в. иноком Герасимо-Болдинского Троицкого монастыря Иосифом в трех, содержащихся в одной рукописи, сочинениях (Послание митрополиту Макарию о составлении алфавитов⁸¹,

⁷¹ Гаврюшин Н. К. Космологический трактат XV века как памятник древнерусского естествознания // Памятники науки и техники. 1981. М., 1981. С. 183–197.

⁷² Демин А. С. Литературные черты древнерусских письмовников // Демин А. С. О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII в. от Илариона до Ломоносова. М., 2003. С. 178–219.

⁷³ Казан М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Евфросина // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 3–300.

⁷⁴ Евсеев И. Е. Геннадиевская Библия 1499 г. // Труды Пятнадцатого археологического съезда в Новгороде. М., 1914. Т. 2 (и отд. изд.); Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. С. 195–201; Цуркан Р. К. Славянский перевод Библии: Происхождение, история текста и важнейшие издания. СПб., 2001. С. 188–211.

⁷⁵ Послание на Угру Вассиана Рыло // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб., 2000. С. 386–398; Послание Филофея «О злых днях и часех» // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 9. С. 290–300.

⁷⁶ ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. Ч. 1.

⁷⁷ ПСРЛ. СПб., 1862–1910. Т. 9–14.

⁷⁸ ПСРЛ. СПб., 1908–1913. Т. 21. Ч. 1–2.

⁷⁹ Морозов В. В. Лицевой летописный свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005.

⁸⁰ Гаврюшин Н. К. Первая русская энциклопедия // Памятники науки и техники. 1982–1983. М., 1984. С. 119–130; Макарий (Веретенников), игум. Митрополит московский Макарий и церковно-литературная деятельность его времени // Тысячелетие крещения Руси. Международная церковная научная конференция «Богословие и духовность». Москва. 11–18 мая 1987 г. М., 1989. Т. 2. С. 275–289.

⁸¹ Шляпки И. Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Грозного // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 567–568.

«Летописец и сказание ко учению и рассуждение о фониаде вкратце»⁸², «Сказание о сложении азбук и о составлении грамот...»⁸³). Этот опыт фиксирует пробудившийся на Руси — видимо, не без влияния со стороны преподобного Максима Грека — просвещенный интерес к истории языка, к его фонетическому строю, к педагогической методике освоения грамоты. Наконец, на исходе XV и затем в XVI столетии библиотека русского чтения пополняется собственными богословскими сочинениями, всесторонне и подробно излагающими христианское вероучение, традиции и правила христианской жизни, — «Книгой на новгородские еретики, или Просветителем» преподобного Иосифа Волоцкого⁸⁴, «Книгой о Святой Троице» иеромонаха Ермолая-Еразма⁸⁵ и трактатом «Истины показание к вопросившим о новом учении» иеромонаха Зиновия Отенского⁸⁶. В силу того что все три сочинения были вызваны к жизни реальной ситуацией «брожения умов» в обществе, богословский дискурс сопрягался в них с полемической задачей преодоления религиозных умствований и прегрешений против православного вероучения, миропонимания, поведенческих норм. Именно поэтому означенные книги были очень высоко оценены русскими читателями и впоследствии не раз привлекались в качестве авторитетных источников к спорам о вере.

Здесь не место для подробной характеристики интеллектуальной жизни русского общества XIV—XVI в. Показательных фактов вкупе с приведенными (и наряду с содержательными особенностями востребованной на Руси литературы иноязычного происхождения — богословской, философской, исторической, естественнонаучной⁸⁷) немало, как бы разнообразны и иной раз полярны по своей содержательной сути они ни были. Значительно можно было бы пополнить также ряд ярких в плане образованности и творческой плодотворности авторов: это, например, еще преподобный Нил Сорский, боярин Ф. И. Карпов, протопоп Благовещенского собора в Московском кремле Сильвестр, боярин В. М. Тучков-Морозов, князь А. М. Курбский⁸⁸. Все указанные факты и имена, несомненно, весьма красноречиво доказывают высокий уровень просвещения отдельных личностей — тех, кто создал, кто умел точно воспроизводить полученные знания, был способен самостоятельно и, главное, концептуально, прагматично, ради тех или иных целей выстраивать свои знания в систему, и тех, кто умел понять созданное, сохранить его, применить, обогатить и, следовательно, воздать ему должное. Правда, имеющаяся информация позволяет думать в данном отношении лишь о церковно-религиозной образованности и лишь очень узкой социальной среды — духовенства, да и то далеко не всего. К этой церковной интеллектуальной элите примыкала также некоторая часть боярства и дворянства, государевых служилых людей — дьяков и подьячих, например, Посольского, Поместного, Разрядного, Разбойного приказов, а также боярских и владычных слуг, которым по их профессиональным обязанностям сверх навыков в чтении, письме, счете надлежало знать также иностранные языки, историю, географию, землемерие, право. Иными словами, указанная социальная группа общества обладала необходимой специальной подготовкой, — скорее всего, обретаемой постепенно по ходу дела и возрастания в чинах. Во всяком случае, применительно к XVII столетию известно, что в

⁸² Лопарев Х. Новый памятник русской литературы: Произведение монаха Иосифа 1559 г. // Библиограф. 1888. № 2. С. 62–74.

⁸³ Киселева М. С. Учение книжное: Текст и контекст древнерусской книжности / РАН. Ин-т человека. М., 2000. С. 231–234.

⁸⁴ Иосиф, игумен Волоцкий. Просветитель, или обличение ереси жидовствующих. Казань, 1903.

⁸⁵ Попов А. Н. Библиографические материалы. XIII. Книга Еразма о Святой Троице // ЧОИДР. М., 1880. Кн. IV. С. I–XIV, 1–124.

⁸⁶ Истины показание к вопросившим о новом учении: Сочинение инока Зиновия Отенского. Казань, 1863.

⁸⁷ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII в. Библиографические материалы // Сб. ОРЯС. СПб., 1903. Т. 74. С. 15–23; 38–51; 283–382; 396–428.

⁸⁸ Иванов А. И. Максим Грек как ученый на фоне современной ему русской образованности // Богословские труды. Сборник шестнадцатый. М., 1976. С. 142–187; Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль X–XVII веков: Учеб. пособие. М., 1990. С. 121–207.

некоторых Приказах целенаправленно осуществлялось профессиональное обучение подьячих и молодых дьяков⁸⁹. Надо думать, подобная практика имела место и в более ранние времена.

Однако хорошо образованных людей в Московской Руси все же было крайне мало. Совсем недостаточно было и школ: о них как явлении почти изжитом говорили в 1551 г. участники знаменитого Стоглавого собора («А прежде всего в росийском царствии на Москве и в великом Новгороде и по иным городом *многия училища бывали*, грамоте и писати и пети и чести учили»). Вместе с тем соборяне, констатируя очень низкий уровень обученности желающих служить Церкви («А отцы их и мастера их и сами потому ж мало умеют и силы в божественном писании не знают, а учиться им *негде*»), обязали духовенство впредь обучать детей грамоте («И мы о том по царскому совету соборне уложили, в царствующем граде Москве и по всем градам тем же протопопом и старейшим священником и со всеми священники и дьяконы, кийждо во своем граде, по благословению своего святителя, избрати добрых духовных священников и дьяконов и дьяков женатых и благочестивых, имущих в сердцы страх божий, могущих и иных пользоваться, и грамоте бы и чести и писати горазди. И у тех священников и у дьяконов и у дьяков *учинити в домех училища*, чтобы священники и дьяконы и все православные хрестьяне в коемждо граде предавали им своих детей на *учение грамоте и на учение книжного писма и церковного пения псалтырного и чтения налойного*»)⁹⁰. При этом, хотя и подразумевался социально никак не ограниченный круг учащихся, всем им одинаково надлежало получать именно церковное образование, т. е., помимо грамоты, научиться особому чтению и пению «божественных» текстов. Иными словами, в определениях «Стоглава», подобно прежним планам святителя Геннадия Новгородского, опять-таки речи нет о каком-то ином — не специально церковном — характере обучения. Решения Собора, таким образом, отражали не вообще потребность русского общества в образованных людях, а лишь нужду сугубо Церкви в грамотном духовенстве. Как бы то ни было, но дефицит просвещения еще очень долго оставался не только неразрешимой проблемой жизни Московского государства, но и слабо осознаваемой проблемой.

(Продолжение в следующем номере журнала)

⁸⁹ Змеев В. А. Зарождение юридического образования в России // В мире права. 2000. № 2. URL: <http://law.edu.ru/magazine/document.asp?magID=3&magNum=2&magYear=2000&articleID=1146497>.

⁹⁰ Стоглав // Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. М., 1985. Т. 2. С. 290–291 (главы 25–26).